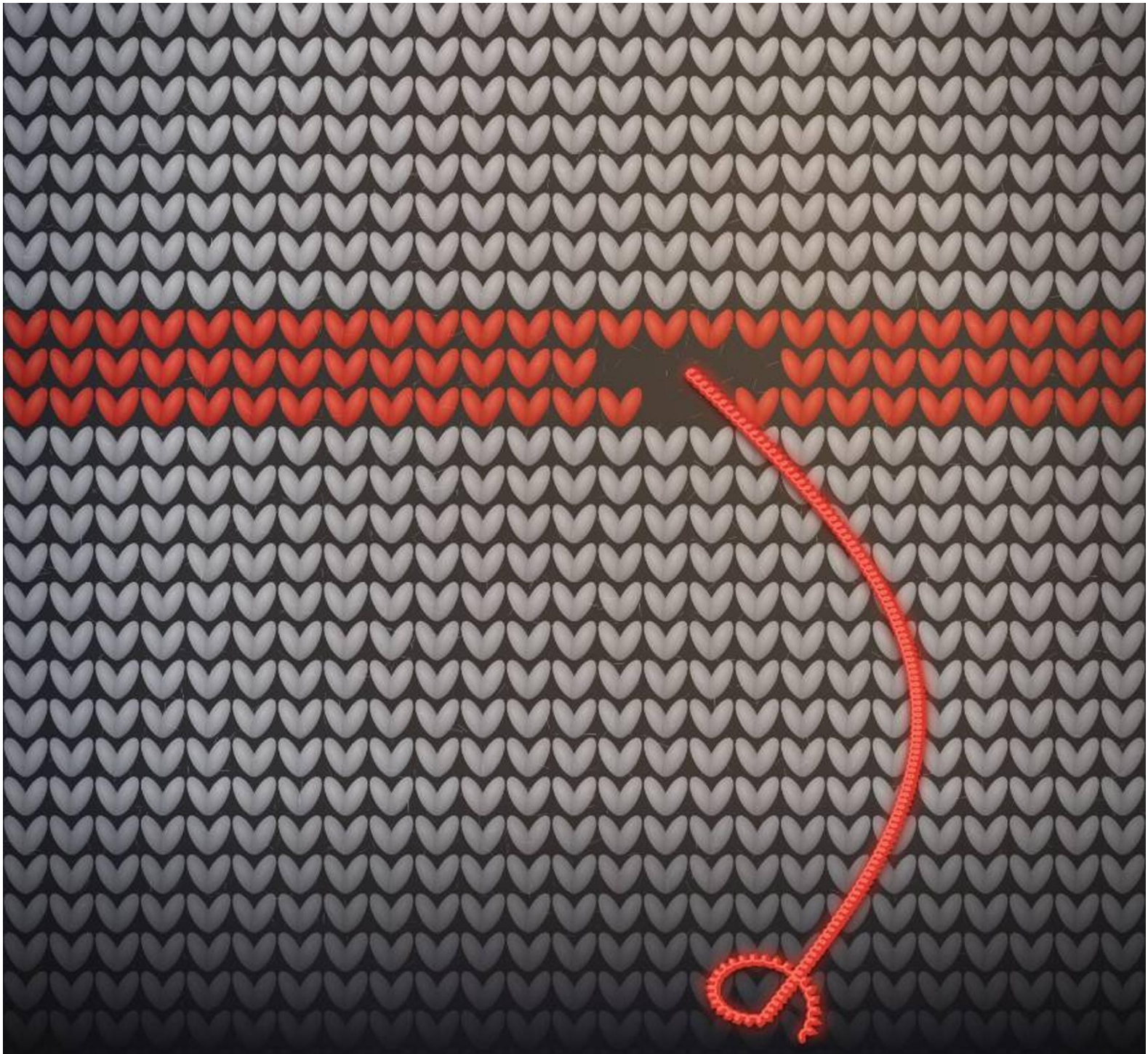

Пусть тебе будет тепло

ПОВЕСТЬ

Николай Силов

Пусть-тебе-будет-тепло

«Автор»
2026

Силов Н. И.

Пусть-тебе-будет-тепло / Н. И. Силов — «Автор», 2026

Восьмилетний Ваня держит на вытянутых руках моток шерсти, а бабушка Тоня, тридцать лет проработавшая на трикотажной фабрике, мотает клубок. Они вяжут носки солдатам — серые, тёплые, с красной полоской на резинке. В каждую пару Ваня кладёт записку: «Дядя солдат! Пусть тебе будет тепло».Но бабушка начинает забывать. Сначала — песню. Потом — выключить газ. Потом — как зовут внука. И однажды ночью уходит в метель к проходной фабрики, которой давно нет.Это повесть о том, как ребёнку приходится стать взрослым, о руках, которые помнят то, что забыла голова, и о записке, которая через год вернулась к своему автору.Её можно читать отдельно или как вторую книгу после повести «Крепко, но не намертво».Все герои и события вымышлены.

© Силов Н. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пусть тебе будет тепло 5
Глава 1. Моток 6
Глава 2. Пятка 8
Глава 3. Сорок пар 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Николай Силов
Пусть-тебе-будет-тепло

Пусть тебе будет тепло

Повесть. Художественное произведение: все герои, город и события вымышлены.

Глава 1. Моток

Шерсть привезли в пятницу, в мешке из-под муки. Бабушка Тоня развязала его прямо в прихожей, не разуваясь, сунула внутрь руку по локоть, пощупала и сказала:

— Овечья. Хорошая. С козьей пополам. Колоться будет.

— Это плохо? — спросил Ваня.

— Это тепло. Колется — значит, греет. Неси табуретку.

Шерсть была в мотках, серая, тяжёлая, пахла чем-то живым и немного сараем. Ваня принёс табуретку и сел напротив бабушки, коленки в коленки, как сидели всегда. Он знал, что сейчас будет. Он вытянул вперёд руки, ладонями друг к другу, на ширину плеч.

Бабушка надела ему на руки моток. Нашла кончик нитки и начала мотать клубок.

Это была его работа с тех пор, как он себя помнил. Держать моток. Руки надо было держать ровно и чуть поворачивать — влево, когда нитка сходит слева, вправо, когда справа, — чтобы она не цеплялась и не путалась. Если зазеваешься, нитка дёргается, и бабушка говорит, не поднимая головы: «Руки». Если всё хорошо, она ничего не говорит, только клубок у неё в пальцах растёт и растёт, поворачиваясь, как маленькая серая планета.

Руки быстро уставали. Сначала начинало ныть в плечах, потом в локтях. Но Ваня не опускал. Он с детского сада знал, что опустить руки — это провалить всё дело: моток соскользнёт, нитки перепутаются, и бабушка будет час сидеть и распутывать, вздыхая так, что лучше бы ругалась.

— Баб, а на кого это?

— На солдат.

— На каких?

— На наших. Которые там.

Ваня знал, что значит «там». В их классе у Миши Горюнова папа был там. У Сони Ткач — дядя. Классная, Ольга Сергеевна, весь сентябрь водила их в актовый зал на урок мужества, и там на экране показывали фотографии, а потом все писали письма, только Ваня не знал, кому писать, и написал «дорогому солдату», а больше ничего не придумал.

— Это Зоя Ивановна просила? — спросил он. Зою Ивановну он знал: старушка в двух кофтах из библиотеки, бабушкина подруга по фабрике.

— Зоя. Они там сети плетут, в подвале. А носки, говорят, нужнее всего. Магазинные сгнивают за неделю. А шерстяные, ручные — нет.

— Почему?

— Потому что с душой, — сказала бабушка совершенно серьёзно и подтянула нитку. — Руки.

Ваня выпрямил руки.

Бабушка Тоня тридцать один год проработала на трикотажной фабрике, сначала мотальщицей, потом вязальщицей, потом мастером цеха. Фабрику закрыли, когда Ванина мама училась в пятом классе. Теперь в её корпусах был склад стройматериалов и шиномонтаж, а на проходной сидел охранник с собакой. Бабушка, когда ходила мимо, всегда переходила на другую сторону улицы. Не потому что собака, а вообще.

Но вязать она не перестала никогда. Всё, что на Ване было тёплого, было связано ею: шапка, шарф, свитер с оленем, который он уже стеснялся носить, и носки, носки, носки. Их у него было больше, чем у кого угодно в классе. И на каждой паре, на резинке, сверху, была красная полоска.

— Баб, а им тоже с полоской?

— А как же.

— Зачем?

Бабушка домотала до конца, сняла с его рук пустую петлю мотка, и он опустил руки — блаженно, до самого пола, и потряс ими, как мокрыми.

— Это мне дед твой сказал, — ответила она. — Коля. Он в армии служил, в восемьдесят третьем, под Читой. Мороз там — минус сорок. Я ему носки вязала, посылками слала. А у них в казарме все носки сушились в одной куче, на батарее. И все одинаковые, серые. Он пишет: Тоня, не могу найти своих, вечно кто-то мои надевает, а мне чужие, драные. Вот я и стала полоску красную вывязывать. Он пишет: теперь нахожу сразу. Ребята смеются — у Белова носки с флагом.

— А потом?

— А потом он вернулся, и мы поженились. И я так и вяжу. По привычке.

Деда Колю Ваня не помнил. Он умер, когда Ване было два года. От него остались фотографии в серванте, в рамках, и бритва в ванной, которую никто не трогал, и большой ватник на гвозде в прихожей. И эта полоска.

Вязала бабушка вечерами, под телевизор, который не смотрела. Спицы у неё были стальные, тонкие, старые, звякали тихо, как ложечки в стакане в поезде. Петли бежали с одной спицы на другую сами, будто бабушка не вязала, а просто держала спицы, а носок рос из них, как трава.

Ваня сидел рядом и смотрел. Это было лучше телевизора.

К воскресенью вечером была готова первая пара. Серая, толстая, плотная, с красной полоской на резинке. Бабушка положила их рядом на колени, ровняла. Один носок получился чуть длиннее другого.

— Ну, ничего, — сказала она. — У людей ноги тоже разные.

— Правда?

— Правда. У тебя правая больше.

Ваня посмотрел на свои ноги. Не поверил, но запомнил.

— Теперь записку, — сказала бабушка.

— Какую записку?

— Зоя сказала — дети пишут. Кладут в носки. Мужикам там приятно. Ты у меня грамотный, пиши.

Ваня вырвал из тетради по математике лист в клеточку. Сел за стол на кухне. Долго грыз ручку. Писать «дорогому солдату» второй раз он не хотел, это уже было, и вышло глупо.

— Баб, а что писать?

— А что бы ты хотел, чтоб тебе написали? Если бы ты там был, в холоде, в мокром, и далеко от дома.

Ваня подумал. Если бы он был там, в мокром и в холоде, он бы хотел, чтобы было тепло. И домой.

Он написал, старательно, с наклоном, как учила Ольга Сергеевна:

«Дядя солдат! Пусть тебе будет тепло. Эти носки связала моя бабушка, а я мотал клубок. Возвращайся домой. Ваня, 2 „А“ класс».

Подумал ещё и нарисовал внизу танк. Танк получился похожим на утюг, но переделывать он не стал. Над танком нарисовал солнце — оно получилось хорошо.

Бабушка прочла, держа лист далеко от глаз.

— «Я мотал клубок». — Она хмыкнула. — Ты держал. Мотала я.

— Переписать?

— Не надо. — Она сложила лист вчетверо и сунула в правый носок, поглубже. — Пусть знает, что ты тоже работал.

Глава 2. Пятка

На третьей паре Ваня сказал:

— Баб, научи.

Бабушка подняла глаза поверх очков.

— Мальчика вязать?

— А дед умел?

Бабушка подумала.

— Дед не умел. Дед умел табуретки.

— А я хочу.

— А в школе засмеют.

— Я в школе не буду.

Бабушка смотрела на него долго, так, будто прикидывала размер. Потом положила своё вязание и полезла в комод, в нижний ящик, где у неё лежало всё самое старое. Достала оттуда спицы — другие, не стальные, а деревянные, толстые, тёмные от рук.

— Это мои первые, — сказала она. — Мне их мама дала, когда мне было шесть. Я на них шарф кукле вязала. Держи.

Спицы были тёплые. Ваня держал их, как держат что-то, что может разбиться.

Учиться оказалось трудно. Гораздо труднее, чем он думал. Петли не хотели надеваться, соскакивали, перекручивались. Нитка то затягивалась так, что спица не лезла, то провисала, как бельевая верёвка. Через полчаса у него вспотели ладони и заболели пальцы, а на спице висело что-то кривое, похожее на рыболовную сеть, которую пожевала собака.

— Ну? — сказала бабушка, заглядывая.

— Не получается.

— Получается. Просто плохо. Это разные вещи.

Она взяла у него спицы, распустила всё одним движением — он ахнул, — и снова набрала петли, двадцать штук, ровные, как солдатики на параде.

— Ещё раз. Смотри. Вводишь. Захватываешь. Протягиваешь. Сбрасываешь. Вводишь, захватываешь, протягиваешь, сбрасываешь. Это как дышать. Не думай руками. Руки сами.

— Как это — не думай руками?

— Ну вот ты ложку ко рту несёшь — ты же не думаешь: так, локоть согнуть, кисть повернуть. Несёшь, и всё. Вот так и тут. Через неделю будешь вязать и мультики смотреть.

Через неделю он не мог вязать и смотреть мультики. Через неделю у него получился кусок, который бабушка назвала «прихваткой», хотя прихваткой это было только из вежливости. Но петли уже не соскакивали. И руки болели меньше.

А через три недели бабушка сказала:

— Ну, давай носок.

— Сам?

— Сам. Я рядом.

Носок вяжут на пяти спицах, по кругу. Это Ваню поразило больше всего — что можно вязать трубу. Резинка пошла легко. Красную полоску бабушка показала, как вплетать: здесь кончаешь серую, здесь берёшь красную, концы не рвёшь, а прячешь внутрь, чтобы не тёрли.

А потом началась пятка.

Пятка — это самое трудное в носке. Там надо поворачивать, убавлять петли, потом прибавлять, считать каждую, и если ошибёшься на одну — пятка выйдет кривая, и носок будет сидеть, как чужой. Бабушка про пятку говорила особым голосом.

— Пятку вывязать — как жизнь прожить, — сказала она. — Всё время считать надо. И не торопиться. И если ошибся — не тяни дальше, а распускай и переделывай. Сразу. Потом поздно будет.

Ваня распускал пятку четыре раза. На пятый раз она вышла. Не идеальная — бабушка показала ему, где одна петля легла не туда, — но пятка. Настоящая. Поворачивала, как надо.

Он надел недовязанный носок на руку, как куклу, и долго смотрел на пятку, ворочая кулаком.

— Баб, — сказал он. — Это я сделал.

— Ты, — согласилась бабушка. — Можешь гордиться.

И он гордился. Весь вечер. И весь следующий день, в школе, — молча, про себя.

А в школе всё-таки узнали.

Он не собирался рассказывать. Это вышло само. На перемене Соня Ткач уронила пенал, и у неё порвалась резинка, которой были перетянуты карандаши. И Ваня, не думая, взял резинку, связал концы особым узлом — бабушка показывала, как связывать нитку, чтобы не было видно, — и отдал.

— Это ты где так научился? — спросила Соня.

— Бабушка показала.

— А чё она ещё показывала?

И он — дурак — сказал:

— Вязать.

Соня сначала не поняла. Потом поняла. Потом сказала на весь класс:

— Белов вязать умеет! Белов, ты что — девочка?!

Смеялись все. Даже Миша Горюнов, с которым они сидели за одной партой. Даже Ольга Сергеевна, которая зашла в эту минуту, улыбнулась — не обидно, но улыбнулась.

Ваня покраснел так, что заболели уши. Он хотел сказать, что это неправда. Что он не умеет. Что Соня врёт. Это было бы так просто — сказать «да вы чё, это я пошутил». И все бы забыли через пять минут.

Но он вспомнил пятку. Пятую. Которая вышла.

— Умею, — сказал он. — Мы солдатам носки вяжем. С бабушкой. Туда.

Смех кончился не сразу, а как-то по частям, как кончается дождь.

— Туда? — переспросил Миша.

— Туда.

Миша смотрел на него очень серьёзно. Его папа был там с весны.

— А моему папе можно?

Ваня не знал, можно ли. Носки отдавали Зое Ивановне, а куда их везли дальше, он не знал. Но он посмотрел на Мишу и понял, что «не знаю» тут не годится.

— Я спрошу, — сказал он. — Какой у него размер?

Миша не знал размера. Он вечером спросил у мамы, а мама заплакала, и он больше не спрашивал. А через три дня принёс Ване бумажку, на которой маминым почерком было написано: «44. Спасибо».

Бабушка связала Мишиному папе носки за два вечера. Сорок четвёртый, с полоской. Ваня написал записку. Миша отправил их сам, в посылке, вместе с маминым письмом.

А Соня Ткач подошла к Ване через неделю, после физры, и сказала, глядя в сторону:

— Слушай. А твоя бабушка девочек учит?

Глава 3. Сорок пар

К ноябрю у них было сорок пар.

Ваня считал. Он завёл для этого специальную тетрадь — зелёную, в клеточку, на сорок восемь листов, — и на обложке написал: «ЖУРНАЛ НОСКОВ». Каждая пара получала номер. Напротив номера — размер, какого цвета нитка (иногда шерсть привозили не серую, а коричневую или тёмно-синюю), кто вязал и что было написано в записке.

Записки он теперь писал к каждой паре. Разные. Он решил, что если одна и та же записка будет у всех, то солдаты, когда встретятся, будут смеяться. А так у каждого своя.

Номер семь: «Дядя солдат! У нас выпал снег. А у тебя? Ваня».

Номер двенадцать: «Бабушка говорит стирать при 30 градусах. Если нет стиральной машины то руками. Ваня».

Номер шестнадцать (размер сорок шесть, бабушка сказала — богатырь будет): «Ты, наверное, очень большой. Пусть тебе будет тепло. Ваня».

Номер двадцать: «Не наступай в лужи. Ваня».

Подумав, он приписал под этим: «Если можно».

Номер двадцать три: «Я научился вязать пятку. Она в этом носке левая. Если кривая, извини. Ваня».

Бабушка, прочитав номер двадцать три, долго смеялась, а потом сняла очки и вытерла глаза.

— Ну, точно не перепутает, — сказала она.

Носки они носили в библиотеку по вторникам. В подвал, где плели сети. Ваня любил этот подвал. Там было тепло, пахло мокрой тканью и чаем из термосов, и женщины разговаривали обо всём сразу. Сети висели на рамах, как огромные лохматые ковры, и в них было столько цветов, что Ваня, когда смотрел долго, начинал видеть картинки: вот медведь, вот лес, вот дядька с бородой.

Зоя Ивановна принимала носки по счёту, как кассир. Каждую пару разворачивала, смотрела пятку, мяла резинку, совала руку внутрь и нащупывала записку. Записку не читала — только проверяла, что есть.

— Почему вы не читаете? — спросил Ваня однажды.

— Не мне писано, — сказала Зоя Ивановна. — Чужие письма не читают.

Однажды Ваня увидел, как одна женщина — полная, с короткой стрижкой, её все звали Тамарой — держит пару их носков, номер тридцать один, и не кладёт в мешок. Просто держит, двумя руками, как кошку.

— У неё сын там, — шепнула бабушка. — Сорок пятый размер. А это сорок пятые.

Ваня подумал и сказал:

— Тётя Тамара. Хотите, это будут его?

Тамара посмотрела на него так, что он испугался, что сказал что-то не то.

— Нельзя, Ванечка, — сказала она. — Так не делают. Мешки общие. Куда приедут, там и носят. А то все своим захотят.

— А если ему не достанется?

— Ему другие достанутся. От другого мальчика. — Она положила носки в мешок. — Так честнее.

Ваня думал про это всю дорогу домой. Это было непонятно и в то же время понятно. Он вяжет кому-то. А кто-то другой вяжет Мишиному папе. И Тамариному сыну. И всем. И получается, что никто не знает, кому, — и в то же время все знают, что кому-то.

— Баб, а мы когда-нибудь узнаем, кто их носит?

— Нет, наверное.

— Это обидно.

— Почему?

— Ну… Мы старались. А он даже не знает, кто.

Бабушка остановилась посреди тротуара. Она часто так делала, когда хотела сказать что-то важное, — останавливалась, как будто на ходу важное не говорится.

— Он знает, — сказала она. — Ты же ему написал. «Ваня, второй „А“». Он знает, что есть на свете Ваня из второго «А», который о нём думал. Этого хватит. Больше и не надо.

— А нам?

— А нам — что он ходит в тёплом. Нам этого тоже хватит.

Ваня не был уверен, что ему этого хватит. Но спорить не стал.

Вечерами он теперь представлял их. Этих, которые носили. Номер один — он почему-то думал, что это водитель, большой, усатый. Номер семь — молодой, весёлый, ему понравится про снег. Номер шестнадцать — богатырь, огромный, как шкаф, ему носки будут маловаты, хотя бабушка вязала с запасом. Номер двадцать три — с кривой пяткой — пусть будет кто-нибудь добрый, чтобы не обиделся.

Он засыпал, перебирая их, как считалку. Это было лучше, чем считать овец.

Мама звонила по видео по воскресеньям. Мама работала на Севере, поваром на вахте, месяц там, месяц дома, — но в этот раз её вахта затянулась, и она не приезжала с сентября. На экране у неё всегда был за спиной белый кафель и пар от котлов, и говорила она быстро, потому что связь там была плохая и по часам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.